

В Угличе живёт талантливая учительница, поднимавшая в советские годы целину. И более того – в Казахстане есть яблоневый сад, наречённый в народе её именем. А зовут героиню нашего рассказа Татьяна Ивановна Потехина, в этом году ей исполнилось уже 80 лет.

В 1955 году Татьяна окончила педагогическое училище. Вместе со всем своим курсом (90 человек!) она отправилась на целину, в Казахстан.

– Приехали в Москву, на Казанский вокзал, – вспоминает Татьяна Ивановна. – Со всех сторон оркестры играют: то у одного состава, то у другого. Так торжественно провожали целинников.

Состав следовал через Кустанай в Акмолинск и Семипалатинск. А когда приехали на место, посмотрела она вокруг, и показалось ей, что это такое место, где земля сходится с небом. Растительности никакой не было, суслики перебегали через дорогу.

Татьяна и её подруга Дина стали жить в селе Добровольском, преподавать в начальных классах малокомплектной семилетней школы: одна вела уроки в первом и третьем классах, вторая – во втором и четвёртом.

– Поселились мы, – рассказывает Татьяна Ивановна, – в хате у матери завуча – Жоржихи. А Жоржиха – это фамилия такая, не кличка. Мы её звали тетя Маруся. Поскольку мы с Динкой приехали практически из-под Москвы, то она нас считала какими-то необыкновенными людьми. Жили мы дня четыре, ничего не готовили. С хозяйкой не разговаривали. Вместе с подругой всё бегали в магазин за пряниками и целый день так их и ели. А магазин был далеко, километра за два. Тётка Маруся смотрела, а потом и говорит: «Девочки, вы есть не хотите?» «Нет, тётя Маруся», – говорим. Она в ответ: «Знаете, нравится вам или не нравится, но я больше смотреть не могу на вас. Вы должны мне дать 20 рублей, и я вас буду кормить». И кормила она нас «на убой».

Сковородка с жареной картошкой, яиц штук пять и ещё две котлеты, и это я должна была съесть одна. А если я это не съем, то хозяйка будет обижаться: что, мол, невкусно, что ли? Я говорю: «Тётя, такую пищу я дома видела только в воскресенье». У них амбар был завален мешками с пшеницей, были две коровы, свиньи, куры. Все животные у них гуляли самостоятельно. Если корова не вернётся, то на третий день пойдут её искать. А кур и не считали... Однажды я написала маме в письме, что очень соскучилась по чёрному хлебу (в Казахстане был только белый), и мама прислала посылку с чёрными сухарями. Что было с Жоржихой! «Таня! Ты что, голодная?» – возмутилась она. Я говорю: «Тётя, я написала маме просто... Уже хлеб белый надоел, а

хочется чёрного. Не сердитесь, попробуйте вот сухарик».

Бураны зимой продолжались по семь дней, чтобы выйти из хаты, люди откапывали выход себе на улицу. Снег был настолько утрамбован бураном, что девушки шли по сугробам, не проваливаясь. Можно было кататься с сугроба, как с горки. Однажды молодые учительницы не выдержали: посмотрели вокруг, убедились, что никто не видит, сели на свои портфели и прокатились.

– Я, когда уезжала, валенки взяла, и они прохудились, – вспоминает Татьяна Ивановна. – Я эту дыру заложу газетами и иду. А муж Жоржихи и говорит: «Таня, да как же ты ходишь?» А кто мне подошьёт? Сам он не умел, и в селе обратиться было не к кому, и новые купить не было возможности. И я простудилась, тяжело заболела. У меня поднялась высокая температура. А мы от райцентра жили в пятидесяти километрах. В селе не было даже фельдшера. Лекарств тоже не было. Но тут Лена Андерс, наша соседка, дочь ветеринара, пришла к Дине, отозвала её в другую комнату, чтобы хозяева мои ничего не слышали, показывает ампулу и говорит: «Папа сказал мне: разведи водой на пол-литра и отдай Дине, но чтобы никто не знал об этом».

И у меня через два дня спала температура, я пошла на поправку. Это был первый пенициллин, он ещё пробовался на животных. И я выздоровела. В то время многие не умели писать, то есть умели читать и считать, а писать не умели. И я в знак благодарности за моё исцеление взялась учить писать Лену. Ей было неудобно, что ей уже 19 лет, а она даже письмо своему парню написать не может, а мне она свои чувства тоже не доверяла, когда я ей предложила писать за неё.

В селе жили и украинцы, и немцы, были даже поляки. И все мы жили дружно, можно сказать, одной семьёй. Вместе праздновали Новый год. Ёлки были очень большой редкостью в той местности, поэтому наряжали сосны.

А когда начиналась весна, жизнь в селе замирала. Все работали на полях, в том числе и учителя: четыре часа – уроки, а потом в поле уезжали.

– Работали на сеялках, – рассказывает Татьяна Ивановна. – Вот идёт трактор, к нему прикреплены сеялка и кузов. И мы должны были смотреть в ящик, как зерно уходит и засеивается, и, когда нужно, новое зерно сыпали. Нельзя было пропустить, а то борозда будет незасеянная. Мы работали наравне со всеми.

По семейным обстоятельствам через четыре года Татьяне Ивановне пришлось вернуться в Углич, но связи с селом Добровольским она не теряла и каждый год посылала туда саженцы. Из них потом вырос целый яблоневый сад, который жители села так и называли – «Татьянин сад».

По словам Татьяны Ивановны, это были самые замечательные годы в её жизни, которые она в своих воспоминаниях вновь переживает с ностальгией по безвозвратно ушедшим временам.

Павел КРАСНОВ

«Угличанин» №46 (550) от 22.11.2017 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}